IQRO JURNALI , IQRO JOURNAL, ИКРО ЖУРНАЛИ
ISSN:2181-4341| wordlyknowledge.uz/index.php/iqro
Volume 22 Issue 02 IYUL 2026

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ИСЛАМСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ И США

Алимбобоева Сайёра Миргиязовна
“Пойтахтйўлкўкалам” давлат муассасаси ходими
https://doi.org/10.5281/zenodo.21338392

Аннотация. В статье анализируется политическая практика взаимодействия государства и исламских организаций в Российской Федерации и Соединённых Штатах Америки. Рассматриваются особенности государственно-конфессиональных отношений, правовые основы деятельности исламских организаций, механизмы государственного регулирования и сотрудничества с мусульманскими общинами. Особое внимание уделяется сравнительному анализу моделей взаимодействия, вопросам обеспечения свободы вероисповедания, противодействия религиозному экстремизму и роли исламских институтов в общественно-политической жизни двух государств. Сделан вывод о том, что различия в историческом развитии, политическом устройстве и законодательстве России и США обусловили формирование различных моделей государственно-религиозных отношений.
Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, исламские организации, Российская Федерация, США, религиозная политика, свобода совести, государственное регулирование, мусульманские общины, ислам, религиозные объединения.

Политическая практика взаимодействия государства и исламских организаций представляет собой систему действий светской власти, направленную на обеспечение свободы вероисповедания с учётом религиозного и конфессионального многообразия российского и американского обществ.

В данном контексте под религией понимается мировоззрение, основанное на вере в сверхъестественное и включающее моральные нормы, обрядовую деятельность и специфические объединения верующих (общины). Конфессия определяется как институционализированное ответвление в рамках единого религиозного учения.

Сравнительный анализ политической практики взаимодействия государственных институтов и мусульманских структур в РФ и США осуществляется по двум ключевым критериям:

Историческая ретроспектива взаимоотношений власти и исламских институтов; Современные модели государственно-исламского взаимодействия.

Анализируемые аспекты взаимодействия государства и ислама: Государственная политика в отношении исламской оппозиции;

Механизмы инкорпорирования мусульманских лидеров в политическое пространство; Специфика религиозной политики президентов Д. Медведева и Б. Обамы. Историческая ретроспектива государственно-исламских отношений в России Становление ислама как второй по значимости религии в России детерминировано многовековой государственной политикой по формированию организационных основ, регламентации духовного образования и контроля над мусульманским духовенством. Институциональную основу этого взаимодействия заложила Екатерина II, учредив в 1788 г. Оренбургское магометанское духовное собрание. Созданная по аналогии со Священным синодом, эта структура подчинялась непосредственно императору, что обеспечило

централизацию управления мусульманскими общинами и их интеграцию в государственную систему.

В советский период (с 1920-х гг., и особенно с 1943 г.) вертикаль Духовных управлений мусульман (ДУМ) была воссоздана на макрорегиональном уровне (ЦДУМ, ДУМ Северного Кавказа и др.). При этом государственная политика СССР сочетала институциональный контроль с идеологическим давлением и религиозными гонениями.

Эволюция мусульманских институтов в позднем СССР и постсоветской России В период перестройки начался процесс религиозного возрождения, сопровождавшийся формированием параллельной системы исламских организаций, неподконтрольных государству и официальным Духовным управлениям мусульман (ДУМ). В 1989 году институциональное единство российских мусульман распалось, что привело к возникновению двух конкурирующих центров — Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) и Совета муфтиев России (СМР).

В 1990-е годы (период президентства Б. Ельцина) произошла масштабная политизация ислама, выразившаяся в создании общественно-политических движений («Нур», Союз мусульман России, «Мусульмане России», «Рефах»). Однако с началом 2000-х годов (период В. Путина) автономия и прямое политическое влияние религиозных объединений существенно снизились, вернув государству доминирующую контролирующую роль.

Сравнительный анализ: специфика США.

В отличие от российской практики, где исламские структуры исторически создавались «сверху» государством в целях административного контроля, модель США базируется на иных принципах:

Институциональный плюрализм**:** Отношения строятся на демократической основе; мусульманские организации функционируют как автономные и равноправные субъекты гражданского общества.
Низовая инициатива**:** Американские исламские структуры формировались исключительно «снизу» — по инициативе самих верующих для защиты своих гражданских прав и социально-культурных интересов.

Институционализация исламских организаций в США

Начальный этап институционализации мусульманских общин в США связан с созданием в 1952 году Федерации исламских организаций (FIO), объединившей около 50 конгрегаций иммигрантов ближневосточного происхождения при финансовой поддержке Саудовской Аравии. Дальнейшее оформление исламского движения происходило на базе созданной в 1963 году сети Мусульманских студенческих ассоциаций (MSA). Для координации студенческих структур в 1982 году было сформировано Исламское общество Северной Америки (ISNA). Наряду с Исламским кружком Северной Америки (ICNA, осн. 1972 г.), созданным под идеологическим влиянием пакистанской партии «Джамаат-и-Ислами», ISNA сохраняет статус одного из наиболее влиятельных мусульманских объединений страны.

Формирование арабского лобби и правозащитных структур

В 1970–1980-х годах в США начался процесс формирования арабского лобби: Политическое лоббирование**:** Созданная в 1972 году Национальная ассоциация американских арабов (NAAA) стала первой профильной организацией с официальным Комитетом политического действия (PAC), продвигавшей ближневосточное урегулирование (стабилизацию Ливана, создание Палестинского государства).

Правозащитная деятельность**:** В 1980 году под руководством экс-конгрессмена Дж. Абурезка основан Американо-арабский антидискриминационный комитет, сфокусированный на защите гражданских прав арабо-американцев. В 1985 году Дж. Зогби

учредил Арабо-американский институт (AAI) для расширения политического участия диаспоры.

Политическая мобилизация арабо-мусульманских общин в США Учреждённый Дж. Зогби Арабо-американский институт (AAI) специализируется на проведении социологических исследований, мониторинге репрезентации диаспоры в СМИ и стимулировании электоральной активности граждан арабского происхождения. Важным вектором исламского активизма стала деятельность афроамериканских движений, в частности организации «Нация ислама» под руководством Л. Фаррахана. Пик её политической мобилизации пришёлся на 1995 год, когда организованный движением «Марш миллиона чёрных мужчин» в Вашингтоне стал масштабной акцией протеста против расового и социально-политического неравенства в американской системе. Религиозная политика администрации Б. Клинтона

Наиболее выраженная тенденция к официальному признанию ислама на государственном уровне проявилась в период президентства Б. Клинтона: Символическая интеграция**:** Впервые в истории Белого дома на официальном уровне было организовано празднование Ид аль-Фитр (окончание месяца Рамадан), подкреплённое прямыми обращениями президента к мусульманской общине.

Институциональные изменения**:** При содействии Совета американских мусульман в Вооружённых силах США был введён институт мусульманского капелланства. Политическое представительство**:** Администрация инициировала прямые консультации с лидерами арабо-мусульманских организаций и осуществила первые знаковые назначения мусульман на высшие дипломатические посты (в частности, Османа Сиддики).

Сравнительный итог исторического этапа. В российском государстве (как имперского, так и советского периодов) преобладала жесткая контролирующая, а в отдельные периоды — репрессивная политика в отношении ислама, реализованная через иерархическую систему Духовных управлений мусульман (ДУМ). Напротив, американская модель развивалась в форме сетевых структур, где мусульманские организации формировались как инструмент гражданской защиты и лоббирования интересов этнорелигиозных меньшинств, получивших равные права в ходе демократизации общества.

Современные модели государственно-исламских отношений

Модель Российской Федерации Современная государственная политика РФ в религиозной сфере ориентирована на сохранение административного контроля над мусульманским духовенством. Данный курс включает в себя несколько ключевых векторов:

Обеспечение безусловной лояльности мусульманских лидеров государству; Подотчётность религиозных и учебных заведений органам власти; Мониторинг зарубежных контактов общин для минимизации внешнего деструктивного влияния.

В рамках выстраивания властной вертикали в 2000-е годы рассматривались проекты консолидации исламского поля вокруг единого организационного центра, учитывая декларируемую лояльность основных конкурирующих муфтиятов.

Этноконфессиональная фрагментация и институциональная структура ислама в РФ Институциональная централизация ислама в России затруднена глубокой этнотерриториальной (кавказские, татарские, башкирские общины) и конфессиональной (богословско-правовые школы — мазхабы) спецификой регионов. Вследствие этого федеральный центр перешёл от попыток создания единой вертикали к политике «равноудалённости (равноприближённости)» ключевых исламских центров. Постсоветский период характеризовался децентрализацией, приведшей к созданию более 70 региональных Духовных управлений мусульман (ДУМ). На макроуровне интересы

уммы перед федеральной властью представляют три крупнейших централизованных объединения:

1. Совет муфтиев России (СМР) — резиденция в Москве, глава Р. Гайнутдин;
2. Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) — резиденция в Уфе, глава Т. Таджуддин;
3. Координационный центр мусульман Северного Кавказа (КЦМ СК) — резиденция в Черкесске, глава И. Бердиев.

Инициированные в феврале 2010 года попытки интеграции данных структур не увенчались успехом. В декабре того же года при поддержке государства было создано альтернативное объединение — Российская ассоциация исламского согласия (РАИС) во главе с М. Рахимовым, ориентированное на конкуренцию с уже существующими центрами влияния.

Государственное регулирование и кризис легитимности ДУМ в РФ Создание в 2010 году Российской ассоциации исламского согласия (РАИС) оценивалось экспертами и лидерами уммы (в частности, главой СМР Р. Гайнутдиным) как искусственное дробление существующих муфтиятов. По их мнению, данная структура использовалась государственными органами в качестве инструмента давления на исламские центры по принципу «разделяй и властвуй».

Исторически высокая степень бюрократического контроля над системой ДУМ привела к снижению её автономии. Процедура назначения муфтиев де-факто детерминирована согласованием кандидатур с государственными органами. Это порождает кризис доверия к официальному духовенству со стороны исламской молодёжи, которая ищет религиозные авторитеты вне официальных структур.

Межструктурный раскол и соперничество лидеров ключевых объединений (в особенности главы СМР Р. Гайнутдина и руководителя ЦДУМ Т. Таджуддина) за преференции со стороны федерального центра препятствуют консолидации исламского сообщества и выработке единой согласованной позиции в диалоге с государством.

Финансовые механизмы государственного контроля над исламом в РФ Политическая зависимость исламских структур от государства подкрепляется спецификой их финансирования. По оценке руководства СМР, ключевыми факторами здесь являются неразвитость внутренней системы самофинансирования и незавершённость реституции вакуфного имущества (неотчуждаемой собственности общин).

В условиях конституционного запрета на прямое государственное финансирование религиозных институтов выстроены два основных легальных канала распределения средств:

1. Участие мусульманских организаций в целевых грантовых программах государства;
2. Деятельность созданного при содействии властей «Фонда поддержки исламской науки, культуры и образования».

Данный фонд аккумулирует поступающие из-за рубежа финансовые потоки от международных исламских организаций и распределяет их по усмотрению контролирующих органов, что минимизирует риски внешнего идеологического влияния и усиливает автономию государства в регулировании уммы.

Трансформация государственно-исламских отношений в США Аналогично российской практике, в США в начале XXI века зафиксировано существенное ужесточение государственной политики в отношении мусульманских институтов. Ключевым триггером деструкции прежней модели послужили теракты 11 сентября 2001 года. Данный фактор кардинально трансформировал восприятие ислама, переведя взаимодействие с мусульманским сообществом из плоскости защиты прав меньшинств в

сферу обеспечения национальной безопасности как на бытовом, так и на общегосударственном уровнях.

Секьюритизация и институциональное партнёрство в США
После 11 сентября 2001 г. администрация Дж. Буша-младшего инициировала секьюритизацию внутренней политики: был усилен контроль над мечетями, ужесточены иммиграционное законодательство и процедуры натурализации. Однако данные меры не привели к разрыву диалога с умеренными исламскими структурами, выполняющими функции институциональных партнёров государства.

В американском публичном пространстве ключевую роль играют общенациональные организации мусульманского сообщества (ОМС), нацеленные на минимизацию дискриминации, преодоление исламофобских стереотипов и лоббирование интересов общины во властных структурах:

Совет по американо-исламским отношениям **(CAIR);**

Мусульманский совет по общественным делам **(MPAC);**

Американский альянс мусульман **(AMA);**

Американский мусульманский совет **(AMC)** — со штаб-квартирой в Вашингтоне, координирующий взаимодействие ОМС с федеральными ведомствами. Главное отличие американской модели от российской заключается в отсутствии единой, контролируемой государством вертикали духовенства. В США ОМС функционируют исключительно в рамках гражданского общества как элементы добровольческого сектора, сохраняя высокую степень институциональной автономии.

Сетевая структура и механизмы управления ОМС в США
В отличие от российской модели, организации мусульманского сообщества (ОМС) в США функционируют как автономные элементы гражданского общества и добровольческого сектора, лишённые надстройки в виде общенациональных органов управления. Их деятельность обеспечивается за счёт частных пожертвований и волонтёрских инициатив, возникающих на основе индивидуального предпринимательства или институционального расширения (создания филиалов крупных ассоциаций, таких как ISNA). Институциональный дизайн американских ОМС носит децентрализованный (сетевой) характер.
Определяющим отличием от практики РФ является электоральный принцип формирования руководящих органов (советов попечителей и исполнительных комитетов):

В **62%** ОМС должностные лица свободно избираются общим собранием членов, обладающих правом голоса;

В **24%** ОМС управленческий аппарат утверждается советом директоров или попечителей;

В остальных случаях применяются комбинированные процедуры с участием аффилированных национальных структур.

Дополнительным системным отличием от российской специфики является отсутствие в США единого специализированного государственного или квазигосударственного органа для централизованного контроля над финансовыми потоками исламских организаций.

Финансовый мониторинг в США и характер государственно-исламского диалога В рамках противодействия «экспорту исламской революции» и финансированию радикальных течений правительство США заблокировало более 136 млн долларов на счетах структур, подозреваемых в связях с терроризмом, и прекратило деятельность ряда крупных исламских благотворительных фондов. Тем не менее, в американской практике отсутствует аналог российской системы, предполагающий наличие единой,

патронируемой государством организации для централизованного распределения финансовых потоков.

В целом, государственно-исламские отношения в США характеризуются как паритетный диалог, тогда как в РФ они строятся в формате директивного монолога власти, требующей от религиозных лидеров строгой подотчётности. Государственная политика в отношении исламской оппозиции в РФ Российское государство осуществляет административное и правовое давление на исламские объединения, функционирующие вне вертикали официальных ДУМ. Внутренняя политика РФ базируется на сепарации ислама на лояльный «традиционный» (суфийский на Северном Кавказе) и «нетрадиционный» (салафитский), что зачастую выступает фактором внутренней эскалации. Институциональным выражением этого курса стал законодательный запрет «ваххабизма» в Республике Дагестан (от 16 сентября 1999 г.), легитимность которого в настоящее время является предметом дискуссий. Представители исламской оппозиции де-факто криминализируются государственным дискурсом и силовыми ведомствами. Власти полностью исключают возможность легального функционирования мусульманской оппозиции в политическом поле.

Силовое подавление исламской оппозиции в РФ

Любые формы политического протеста, облечённые в религиозную форму, подвергаются жёсткому пресечению со стороны государства. Для противодействия экстремизму в структуре силовых ведомств были развёрнуты специализированные подразделения: Служба по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ и Департамент по борьбе с организованной преступностью и терроризмом МВД РФ. Федеральный центр ориентирован на полную ликвидацию религиозной оппозиции и исключает возможность ведения политического диалога с её представителями. Несмотря на регулярные отчёты спецслужб об уничтожении лидеров боевиков, экстремистская сеть сохраняет значительный мобилизационный потенциал, география которого, по оценкам экспертов, выходит за пределы кавказского региона и охватывает Поволжье и центральные области России.

Фактор Северного Кавказа в дестабилизации ситуации

Северный Кавказ остаётся наиболее конфликтогенным регионом с высокой концентрацией мусульманского населения. Чеченские военные кампании сформировали доминирующий инструментарий российской политики, основанный на силовом давлении для обеспечения лояльности региональных элит Кремлю.

Однако данные методы не гарантируют долгосрочной макрорегиональной стабильности. Конфликтные процессы диверсифицировались, распространившись из Чечни на территорию Ингушетии, Дагестана, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, и периодически проецируются на федеральный центр в виде резонансных террористических актов (в частности, взрывы на станциях московского метро «Лубянка» и «Парк культуры» 29 марта 2010 г., совершённые смертницами дагестанского происхождения).

Этнополитическая нестабильность в РФ и специфика исламского экстремизма в США Террористический акт в аэропорту Домодедово 24 января 2011 года подтвердил сохранение системных уязвимостей в сфере национальной безопасности РФ. Затяжной кризис в этнополитической сфере как в национальных республиках, так и в других регионах России продолжает существенно дестабилизировать межэтнические и межконфессиональные отношения.

В отличие от России, где исламская оппозиция детерминирована внутренними факторами, в США экстремистская угроза исторически имеет преимущественно внешний генез. На американской территории функционирует ряд радикальных структур

(«Палестинский исламский джихад», «Исламские партизаны в Америке», «Организация арабских студентов» и др.), которые вплоть до конца XX века не обладали развитой внутренней инфраструктурой поддержки [123].

Внутренний радикализм представлен преимущественно афроамериканскими группировками «чёрных сепаратистов» («Нация ислама», «Чёрные пантеры»), насчитывавшими к 2008 году не менее 100 объединений. К фундаменталистским структурам относится также организация «Джамаат аль-Фукра», ориентированная на создание изолированных исламских анклавов и объединявшая, по данным ФБР за 2006 год, около 3000 активистов [199].

Антитеррористическая система США Противодействие террористическим угрозам в США возложено на правоохранительные органы и специализированные ведомства, в частности Министерство внутренней безопасности (*Homeland Security*). Деятельность данных структур сфокусирована на:

Защите критической инфраструктуры, транспортных узлов и контейнерных перевозок; Обеспечении кибербезопасности;

Ведении и регулярной актуализации баз данных Центром скрининга террористов (включая процедуру апелляции граждан на неправомерное внесение в списки контроля).

Эффективность данных мер минимизировала количество резонансных деструктивных акций со стороны исламистских радикалов внутри страны в рассматриваемый период.

Стратегии государственного взаимодействия с умеренными исламскими структурами В отличие от деструктивных групп, умеренные исламские организации в США выступают стратегическими партнёрами государства в сфере противодействия терроризму. Федеральная власть не вмешивается во внутриконфессиональные процессы и избегает доктринальных оценок течений ислама. Согласно данным Исследовательского центра Пью (*Pew Research Center*), 68% американских мусульман активно взаимодействуют с правоохранительными органами. Как отмечает эксперт Э. Маккарти, интеграция патриотически настроенных мусульман в структуры ВС и разведку США обеспечивает государство ключевыми инструментами для инфильтрации в радикальные ячейки и пресечения террористических угроз. Вовлечение уммы в общественно-политическое поле рассматривается Вашингтоном как основа национальной стабильности и эффективного гражданского контроля.

В Российской Федерации этнополитическая ситуация остаётся нестабильной, а правоохранительная система демонстрирует уязвимость в превенции терактов. Процесс осложняется институциональным расколом внутри российской уммы: маргинализация и слабость умеренных общественно-политических исламских структур детерминируют переток религиозного капитала в радикальные и экстремистские формы оппозиционного ислама.

Инкорпорирование мусульманских лидеров в политическое пространство в России и США Особенности политической активности мусульман в РФ Конституционный принцип отделения религиозных объединений от государства в РФ и США исключает функционирование политических партий с конфессиональным компонентом, смещая активность мусульман в сферу деятельности общественных и религиозных организаций.

В России пик политизации ислама пришёлся на электоральные кампании 1990-х годов, когда мусульманские структуры стремились занять определённую нишу в легальном поле. В частности, общественно-политическое движение «Рефах» было представлено в Государственной Думе 12 депутатами, входившими во фракцию «Единство». Однако в 2000-е годы (период В. Путина) автономия религиозного фактора была минимизирована, а от мусульманских элит потребовалось исключительно одобрение

государственного курса. Итогом этой тенденции стала ликвидация Исламской партии России (ИПР), созданной в 2003 году.

Современная российская умма лишена единого консолидированного центра представительства во власти. Доля мусульман в федеральных органах исполнительной, законодательной и судебной власти остаётся крайне незначительной. Среди высших номенклатурных деятелей постсоветского периода можно выделить лишь ограниченный круг лиц (Р. Хасбулатов, Р. Абдулатипов, Ф. Табеев, А. Тулеев).

Механизмы интеграции мусульманских лидеров во властные структуры РФ Доля мусульман в федеральных органах исполнительной и судебной власти РФ минимальна и составляет 0–5%. При этом в Федеральном Собрании действует негласный ценз, обеспечивающий порядка 10% мест для представителей мусульманских регионов в Совете Федерации и Государственной Думе.

Ключевыми субъектами, представляющими интересы уммы на политической арене, выступают назначаемые президентом главы национальных республик. Особое влияние среди них имеют:

Р. Кадыров (Глава Чеченской Республики), консолидировавший вокруг себя основные рычаги исламской общественно-политической активности; Руководители поволжских республик — Р. Минниханов (Татарстан) и Р. Хамитов (Башкортостан);

Главы республик Северного Кавказа и Адыгеи (М. Магомедов, Ю. Евкуров, А. Каноков, Р. Темрезов, А. Тхакушинов).

Таким образом, для РФ характерна ограниченная интеграция исламских лидеров в государственную систему, осуществляемая по принципу назначения «сверху», что гарантирует их безусловную лояльность федеральному центру при дефиците институциональных механизмов продвижения на федеральный уровень. Специфика инкорпорирования мусульман во власть в США

В США уровень присутствия мусульман в государственных институтах также остаётся невысоким. Процесс их интеграции стимулируется деятельностью профильных организаций (AMC, CAIR), которые ориентируют общину на активное электоральное участие и лоббирование кадровых назначений.

Опыт интеграции мусульман в государственные структуры США Институциональное продвижение мусульман в структуры исполнительной власти США началось на рубеже XX–XXI веков благодаря активности профильных организаций (AMC, AMA). Данный процесс выразился в ряде знаковых назначений на федеральном и академическом уровнях [105]:

Л. Аль-Мараяти (1999 г.) — член Комиссии США по международной религиозной свободе (администрация Б. Клинтона);

И. Хан (1999 г.) — член совета управляющих Единой службы Университета здравоохранения;

Э. Зеруни (2002 г.) — директор Национальных институтов здравоохранения (назначен Дж. Бушем-младшим).

На региональном уровне наиболее интенсивная интеграция мусульман в органы власти фиксируется в местах их компактного проживания (конгломерация Детройт – Анн-Арбор, штат Мичиган).

Несмотря на локальные успехи, мусульманское сообщество по-прежнему сталкивалось со скрытой дискриминацией в госучреждениях и общественным противодействием. Прецедент 2006 года, когда Кит Эллисон стал первым мусульманином, избранным в Конгресс США, вызвал консервативную дискуссию в американском истеблишменте относительно допустимости принесения присяги на Коране.

Активизация интеграционных процессов при администрации Б. Обамы Новый этап инкорпорирования мусульманских лидеров в государственную политику начался с приходом к власти администрации Б. Обамы. Этот период ознаменовался качественным и количественным ростом представительства мусульман в пуле государственных советников и ведомств. В частности, в 2009 году Далия Могахед стала первой практикующей мусульманкой, вошедшей в Консультативный совет Белого дома по вере и межрелигиозному партнёрству.

Особенности религиозной политики администрации Б. Обамы Новым этапом интеграции мусульманских лидеров в государственную политику США стало формирование в феврале 2009 года Управления Белого дома по религиозным и добрососедским программам (под руководством Дж. Дюбуа). В рамках этого курса Д. Могахед получила назначение в Консультативный совет по вопросам религий и добрососедских отношений, став первой мусульманкой в хиджабе в президентской администрации.

Сравнительный анализ показывает, что в США создано больше институциональных механизмов для интеграции потенциала мусульман в государственное управление, при этом ключевую роль в продвижении кандидатов играют крупные сетевые мусульманские организации гражданского общества.

Религиозная политика Д. Медведева и Б. Обамы: сравнительный аспект В период президентства Д. Медведева и Б. Обамы государственная политика в отношении ислама приобрела выраженную специфику. Исламский вектор в политике Д. Медведева Президент Д. Медведев продолжил курс В. Путина, основанный на дихотомии «традиционного» (суфийского) и «нетрадиционного» (салафитского) ислама, усилив символическое и материальное внимание к лояльному духовенству.

Стремление федерального центра завоевать лояльность умеренной части российской уммы обусловлено электоральным фактором. В условиях высокой концентрации мусульманского населения в регионах и крупных городах консолидированное голосование общин, ориентированных на указания официального духовенства, представляет собой значительный политический ресурс.

Электоральный патернализм и государственная поддержка ислама при Д. Медведеве Российская умма, насчитывающая около 20 миллионов человек, рассматривается властью как весомый электоральный ресурс, что обуславливает патерналистский характер государственно-исламских отношений. Финансовая поддержка лояльного духовенства зародилась при В. Путине, когда в 2007 году было принято решение о ежегодном бюджетном выделении 800 миллионов рублей на развитие исламской инфраструктуры [193].

При президенте Д. Медведеве взаимодействие с муфтиятами приобрело регулярный и системный характер:

15 июля **2009** г**.** — состоялся первый в истории визит главы государства в Московскую соборную мечеть;

5 июля **2011** г**.** — в Нальчике проведена расширенная встреча с 15 лидерами крупнейших ДУМ для обсуждения актуальных проблем уммы [143].

В рамках данного политического курса Д. Медведевым был инициирован ряд государственно-конфессиональных проектов [46, 142]:

1.Создание специализированного мусульманского телеканала для трансляции основ умеренного ислама;

2.Исключение деструктивного термина «исламский экстремист» из официального дискурса;

3.Разработка комплексных молодёжных программ для Северо-Кавказского региона;

4.Оказание содействия в увеличении квот на совершение хаджа паломниками из РФ.

Несмотря на сохранение патерналистской модели, данные инициативы продемонстрировали высокую степень вовлечённости института президентства в регулирование потребностей мусульманского сообщества.

Государственное финансирование и пределы политической субъектности уммы в РФ В рамках патерналистской модели государственного регулирования в РФ было продолжено финансирование программ подготовки специалистов по истории и культуре ислама в объёме около 1 млрд рублей. Однако демонстрация внимания к нуждам верующих со стороны института президентства не привела к росту реального политического веса уммы. Российские мусульмане по-прежнему лишены легальных институтов лоббирования, аналитических центров и независимых лидеров, оставаясь объектом государственного контроля.

Правозащитный и оппозиционный дискурс (в частности, в оценках председателя Исламского комитета России Г. Джемаля) указывает на дуализм государственной политики. Внешнеполитический курс на интеграцию с исламским миром сочетается со сдерживанием внутренних исламских институтов, ростом числа осуждённых активистов и сохранением конфликтогенного потенциала на Северном Кавказе. Ключевые требования исламской оппозиции к власти включают:

1. Допуск мусульманских объединений к легальной политической деятельности;
2. Обеспечение конкурентных выборов в национальных республиках;
3. Расширение доступа к федеральным медиаресурсам;
4. Пересмотр ангажированных судебных решений в отношении мусульманских деятелей;
5. Отказ от практики запрета религиозной литературы. Мусульманский электоральный фактор и смена дискурса в США В отличие от российской практики, в США мусульманское сообщество выступает консолидированным субъектом электорального процесса. На президентских выборах 79% американских мусульман проголосовали за кандидата от Демократической партии Б. Обаму, обеспечив себе электоральное влияние.

В ответ на запрос общины администрация Б. Обамы инициировала деконструкцию прежнего изоляционистского курса, провозгласив ислам неотъемлемой частью американской идентичности и взяв обязательства по противодействию исламофобским стереотипам в публичном поле. Практическим выражением этого курса на второй день президентства (21 января 2009 г.) стало подписание указа о расформировании лагеря в Гуантанамо, что символизировало отход от жестких методов секьюритизации.

Символическая и правовая либерализация курса Б. Обамы Подписание указа о закрытии специальной тюрьмы в Гуантанамо 21 января 2009 года и приостановке военных трибуналов на 120 дней продемонстрировало стремление Белого дома реформировать прежние силовые подходы, несмотря на то, что это решение столкнулось с институциональным сопротивлением и не было реализовано в полной мере. Изменение государственной доктрины выразилось в переходе от жесткой секьюритизации к правовой поддержке мусульманского меньшинства и культурному паритету: Минюст США инициировал судебные процессы в защиту права мусульманок на ношение хиджаба в публичных пространствах;

Практикой высшего руководства страны стало регулярное проведение дипломатических приёмов (ифторов) в Белом доме в период месяца Рамадан; В рамках иммиграционной политики на 2011 год было санкционировано квотирование на въезд 80 тысяч мигрантов, преимущественно из мусульманских государств; Накануне годовщины терактов 11 сентября президент публично поддержал проект

строительства исламского культурного центра и мечети вблизи *Ground Zero* в Нью-Йорке. Трансформация стратегии противодействия экстремизму и рост гражданской активности Администрация Б. Обамы скорректировала концепцию национальной безопасности, сместив акцент с силового подавления («крестовых походов») на анализ социально-экономических первопричин радикализма (бедность, социальная маргинализация) и выстраивание диалога с умеренными традиционалистами. Следствием либерализации внутренней политики стал переход американской уммы от адаптационной изоляции, характерной для постсентябрьского периода, к открытой артикуляции своих интересов. Мусульманское сообщество США существенно повысило уровень публичной активности, что выразилось, в частности, в организации масштабных скоординированных демонстраций во всех крупнейших мегаполисах страны в ходе палестино-израильского обострения в секторе Газа.

Рост политических притязаний американской уммы Публичные демонстрации в мегаполисах США (преимущественно на либеральном Западном побережье) в поддержку Палестины зафиксировали переход мусульманской общины к этапу демонстрации своего мобилизационного и общественного потенциала. Согласно социологическим данным, около 70% американских мусульман ориентированы на расширение своего институционального представительства в органах власти. Перспективным вектором дальнейшей интеграции выступает их номинирование на ключевые посты в федеральных ведомствах, привлечение к экспертно-политическим консультациям и системное взаимодействие с Департаментом юстиции США. Заключение: Сравнительный анализ моделей государственно-исламских отношений в РФ и США Феномен исламофобии в России и США развивается в контексте принципиально полярных государственно-конфессиональных практик:

1. Исторический генез и структура**:** В российском геополитическом пространстве (как в имперский, так и в советский периоды) ислам подвергался жесткому государственному контролю и регламентации. Инструментом этой политики выступила вертикально-интегрированная, иерархическая система Духовных управлений мусульман (ДУМ), курируемая чиновниками. В США исламские институты изначально формировались «снизу» как автономные сетевые структуры гражданского общества, реально представляющие и защищающие права верующих.

2. Характер взаимодействия**:** Для российской политической культуры характерен патернализм, выражающийся в требовании безусловной подотчётности муфтиятов исполнительной власти и жесткой централизации (где кадровая структура нижестоящих ДУМ директивно определяется вышестоящими). В США государственная политика базируется на принципах партнерства с автономными общественными организациями. Формат этих отношений можно охарактеризовать как паритетный *диалог*, в противовес директивному *монологу* власти в РФ.

3. Отношение к недоверенным элементам**:** Российские властные структуры осуществляют перманентное административно-силовое давление на любые исламские объединения, функционирующие вне официальной вертикали ДУМ.

1.Дифференциация религиозных течений**:** Внутренняя политика РФ базируется на искусственной сепарации ислама на лояльный «традиционный» (суфийский) и оппозиционный «нетрадиционный» (салафитский), что усиливает внутриконфессиональный раскол и дестабилизирует Северный Кавказ. В США государственные органы взаимодействуют с умеренными структурами, не вмешиваясь в догматику и избегая теологических оценок, что повышает эффективность антитеррористических мер.

2.Интеграция во властные институты**:** В обеих странах наблюдается невысокий уровень инкорпорирования мусульман во власть. Однако в РФ дефицит мусульманских кадров на федеральном уровне сочетается с назначением региональных лидеров «сверху», тогда как в США продвижение исламских представителей в госструктуры осуществляется через механизмы гражданского общества и влиятельные сетевые организации.

3.Президентские стратегии**:** Курс Д. Медведева сохранил преемственность с политикой В. Путина, где декларативная поддержка ДУМ сочетается с требованием их полной подотчётности и силовым подавлением оппозиционного ислама при игнорировании ключевых требований общины. Напротив, администрация Б. Обамы либерализировала жесткий курс Дж. Буша-младшего, перейдя к системному и взаимовыгодному партнёрству с исламскими организациями.

Итог

Таким образом, доминирующей моделью государственно-конфессиональных отношений в РФ является патернализм. Данный подход детерминирует институциональную слабость российских исламских организаций, их жесткую зависимость от официальных ДУМ и государства, низкую социально-политическую активность и неспособность самостоятельно противодействовать радикализации верующих. Полярная американская модель, основанная на демократическом диалоге, напротив, стимулирует интеграцию мусульман в гражданское и правовое поле страны

Деструктивные следствия патерналистской модели в РФ Реализуемая в Российской Федерации патерналистская политика влечёт за собой ряд системных деструктивных последствий для интеграции мусульманского меньшинства:

1.Маргинализация и деинтеграция**:** Жёсткий административный контроль ограничивает возможности для полноценной интеграции мусульман в неисламское макрообщество в качестве равноправных граждан.

2.Радикализация недоверенных структур**:** Силовое подавление независимых религиозных объединений и лишение их легальных каналов артикуляции интересов неизбежно стимулируют их переход в латентное (подпольное) состояние. Следствием этого становится рост экстремизма и террористической активности, что отчётливо фиксируется в Северо-Кавказском регионе (в частности, в Дагестане после законодательного запрета «ваххабизма» в 1999 г.).

3.Дефицит политического представительства**:** Изоляция исламских лидеров от легального политического пространства блокирует трансляцию специфических потребностей рядовых мусульман на властный уровень, что кумулятивно осложняет их социальную адаптацию.

Плюралистическая модель взаимодействия в США как фактор интеграции В отличие от российской практики, государственная стратегия США базируется на принципах партнерства и политического сотрудничества с исламскими институтами.

Данная модель характеризуется:

Функционированием диверсифицированной сети автономных мусульманских организаций, взаимодействующих с органами власти;

Отказом государства от искусственной сепарации и доктринальной оценки исламских течений, а также привлечением умеренных конфессиональных структур к превенции терроризма;

Наличием верифицированных институциональных механизмов рекрутирования мусульманских лидеров во властные институты по инициативе профильных ассоциаций гражданского общества.

Таким образом, американская практика государственно-исламского диалога обеспечивает

эффективное представительство интересов уммы, стимулирует её конструктивное взаимодействие с властью и выступает ключевым драйвером успешной интеграции мусульман в социокультурную и политическую систему США.

Список использованной литературы

1. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon & Schuster, 1996.
2. Esposito J. L. Islam and Politics. 5th ed. – Syracuse: Syracuse University Press, 2004.
3. Cesari J. When Islam and Democracy Meet: Muslims in Europe and in the United States. – New York: Palgrave Macmillan, 2004.
4. Haddad Y. Y., Smith J. I. Muslim Minorities in the West: Visible and Invisible. – Walnut Creek: AltaMira Press, 2002.